

В.М. Аллахвердов

СОЗНАНИЕ – КАЖУЩЕЕСЯ И РЕАЛЬНОЕ¹

В статье рассматриваются загадки сознания, история попыток психологов разгадать эти загадки, предлагается эвристический прием поиска решения, описывается разработанный ранее автором взгляд на природу сознания и объясняется логика, приведшая к модификации этого взгляда. Дается когнитивная интерпретация эмоций. Сознание рассматривается как имитатор познавательной деятельности, направленный на получение субъективно переживаемых положительных эмоциональных сигналов. Утверждается, что такая имитация делает процесс познания более эффективным. Обсуждаются полученные в многочисленных исследованиях экспериментальные данные.

Ключевые слова: сознание, логика познания, эмоции, осознание, сличение, критерии эффективности.

Сознание – самое ценное достояние человека. Разве кто-нибудь хотел бы жить вечно, если бы эта его долгая жизнь протекала в бессознательном состоянии? Тем не менее, никто не знает, ни что такое сознание, ни как оно возникло, ни что делает. Об этом с ужасом пишут многие великие мыслители. Приведу несколько высказываний, как завершающих прошлый век, так и открывающих новый. М.К. Мамардашвили (1996, с. 215): «Сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего». В.П. Зинченко (2004, с. 11): «Живое сознание, при всей своей очевидности, упорно не поддается концептуализации». Р. Перри (Цит. по: Рао, 2006, с. 818): «Как может этот термин обозначать что-либо, если он используется для обозначения всего и вся, в том числе и собственного отрицания?» Е.А. Мамчур (2008, с. 31): «Проблема сознания в настоящее время воспринимается представителями всех традиционно связанных с изучением этого феномена научных дисциплин как одна из самых сложных и весьма далеких от разрешения».

Печальная история попыток решения проблемы

Природу сознания часто искали в физиологических процессах, хотя и понимали, что никакое физиологическое описание само по себе не содержит явлений сознания. Как бы точно ученые ни описали поведение нейрона или мозга в целом, в этом описании не будут содержаться субъективные переживания. Эти переживания, конечно, связаны с теми или иными физиологическими процессами, но сами по себе они являются чем-то принципиально иным. Радость и печаль, вкус апельсина, мысль о путешествии, желание выспаться или ощущение невероятности увиденного во сне просто не могут быть выражены на языке физиологических процессов. Конечно, всегда можно надеяться: а вдруг сознание порождается еще неизвестным физиологическим процессом или обеспечивается особой организацией известных физиологических процессов? (В этом направлении идут многие: от И.М. Сеченова, А.А. Ухтомского, П.К. Анохина до представителей современной нейронауки.) Однако, повторюсь, никто не знает, что такое сознание. Как же его тогда можно найти? А если даже кто-то вдруг его случайно найдет, как он сможет убедиться, что нашел

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 08-06-00199а.

именно то, что искал? Этот путь вряд ли приведет к разгадке тайны сознания, хотя учеными, шедшими по этой дороге, и было сделано много выдающихся открытий. Наконец, если психика полностью детерминирована физиологическими законами, то у нее, вообще говоря, не должно быть никакой самостоятельной активности и никаких своих законов. Но это выглядит совсем странно. Думается, все же лучше не природу сознания объяснять нервными механизмами, а природу физиологических процессов объяснять необходимостью обслуживать именно такую деятельность сознания.

Разумеется, пробовали и другие подходы. Признали: психика и сознание отражают не физиологические процессы и не самое себя, а внешний мир. Следовательно, сознание должно развиваться по логике отражения внешнего мира. Но тут же выяснилось: отражение быстрее и точнее происходит неосознанно. Сам процесс отражения (прием, переработка и хранение информации), как правило, не осознается. А сознательный контроль над подобными процессами ведет лишь к ошибкам и сбоям. Даже в простейших случаях (оценка интенсивности стимула по Г. Фехнеру или расстояния до объекта по Г. Гельмгольцу) необходимые логарифмические или тригонометрические преобразования не осознаются, они делаются путем «бессознательных умозаключений». Если сознание — лишь результат некоего неосознаваемого функционального преобразования внешнего мира (поля или ситуации, как позже говорили гештальтисты и их последователи), то остается загадочным, что же все-таки самостоятельно делает сознание и как оно способно проявлять активность. Зависимость поведения от поля или ситуации в принципе не предполагает проявления свободы воли (ср. Серль, 2004, с. 322–323). И снова: хотя в рамках такого подхода получено множество первоклассных результатов, но

в результате понимание природы сознания стало лишь еще более расплывчатым.

В. Вундт сделал попытку разложить сознание на элементы и построить «химию души». Однако содержание сознания непрерывно изменяется, порождая все новые и новые смыслы. А потому не существует способа единообразно вычленять элементы. Вот один из примеров возникающей путаницы. Как известно, сознание помнит, что нечто забыло, хотя еще Августин удивлялся, как можно помнить о том, о чем ничего не сохранилось в памяти. У. Джеймс добавил наблюдение: одно забытое слово не тождественно другому забытому слову, т.е. мы осознанно замечаем различия в забытых словах, хотя сами слова не помним. Таким образом, неосознаваемое каким-то образом входит в сознание, в которое по определению не входит. Пришли в тупик. Идти далее в этом направлении бессмысленно.

Есть и еще один путь. В остроумных экспериментах было показано, что сознание подгоняет мир под свои конструкты: мы видим только то, что понимаем, мир в нашем восприятии искажается *до узнаваемости*, из памяти вытесняется то, что *не соответствует* нашим ожиданиям и т.д. Конструктивисты утверждают: сознание не отражает мир, а конструирует его. И разрабатывают вполне объективные методы, позволяющие выявлять используемые сознанием конструкты описания мира, так сказать, построить «алфавит человеческих мыслей» (ср. Петренко, 2005, с. 34). Эти категориальные структуры сознания культурно обусловлены и зависят от деятельности, в которую включены люди.

Феноменологи, опираясь на идеи, восходящие к Э. Гуссерлю, тоже пытаются установить исходные базовые формы (конструкты) описания мира. Задумайтесь о какой-нибудь вещи, призывал Гуссерль, варьируйте ваше представление, фантазируйте, расширяйте горизонты.

Предполагается, что таким путем можно постичь общую форму думания о любом объекте. То, что во всех размышлениях остается инвариантным, — это, мол, и есть необходимая форма размышления о вещи вообще. Но почему в итоге должно что-то остаться, а не обратиться в пустоту — неизвестно. (Кстати, метод весьма похож на способы опустошения сознания, развитые в мистических практиках Востока.) Сам я (возможно, за счет присущего мне консерватизма) отказываюсь понимать и применять феноменологический метод. Но главное — какой бы метод ни использовался, проблема сознания все равно остается.

Сознание вначале должно существовать, чтобы использовать конструкты или обладать всеобщими формами думания. И неизвестно, как и почему те или иные конструкты возникают, как изменяются при взаимодействии с реальностью, да и зачем для них нужно сознание. Ведь некоторые категориальные структуры вполне могут и не осознаваться. Перцептивная категоризация, например, обычно вообще происходит совершенно неосознанно. То, что дано сознанию — его содержание, — не проясняет ни функции сознания, ни законов его работы. Выделение конструктов — полезный инструмент работы психолога, но он также не объясняет сознание, как и разбиение содержания сознания на иные элементы: сенсорные качества, интенции и пр.

Может, стоит рассматривать не элементы, а отдельные процессы? Тогда сознание можно трактовать в качестве интегратора этих отдельных процессов. Но что это за процессы? Деление духовных сил человека на мыслительную, эмоциональную и волевую восходит к античности. В дальнейшем психологи основательно расширили этот набор (ощущение, восприятие, память, речь, эмоции и пр.). И тут же запутались: классификация никак не обоснована, построена

на разных основаниях, и нет критериев, позволяющих нечто считать или, наоборот, не считать психическим процессом. Почему понимание — это часть мышления, а воображение — отдельный процесс? Почему вера, надежда и любовь не считаются психическими процессами? На основании чего можно решить: концентрация и распределение внимания — это два разных процесса или два противоречащих друг другу свойства одного и того же процесса? В реальном опыте не удается ясно различить между собой не только ощущение и восприятие, восприятие и память, память и мышление, но даже (вопреки школе Г. Лейбница) мысль, волю и эмоции. По мнению М.А. Холодной (1997, с. 103), «так называемые “познавательные процессы” — это не более чем плод нашего несовершенного профессионального ума». Я полностью солидарен с В.А. Иванниковым (2006), когда он предлагает вообще отвергнуть положение о существовании отдельных процессов. Но если поставить под сомнение выделенные процессы, то какие тогда процессы интегрирует сознание? Тем более что неизвестно, в чем состоит специфика именно сознательной интегрирующей деятельности.

Функционалисты и сторонники эволюционного подхода решили подойти к проблеме иначе. Мы не знаем, что такое сознание, но знаем, что оно полезно. Оно способствует выживанию человеческого рода и помогает адаптироваться к окружающей среде. Главная цель человеческого организма, как и любого живого существа, — выжить. Странно, что так писали даже выдающиеся психологи. Замечу, что такая цель не задает никаких конкретных действий (кроме разве экстремальных ситуаций). И нет ни одного критерия, по которому можно было бы решить, кто лучше в истории человечества осуществил эту свою главную цель. Ведь выжить не удалось никому. Действительно, как решить,

кто лучше выживал: фараоны или стеклодувы, Моцарт или Сальери, кавказские долгожители или поэты и герои, погибшие в молодости? Но раз нет критериев, то и нельзя определить, что именно надо делать, чтобы выживать эффективнее. Так сформулированная цель не задает никакого поведения, а значит, и не цель вовсе. Тем не менее, было сделано много попыток описания того, что именно сознание для этого делает. Например, сознание якобы спасает от информационных перегрузок, сокращая информационные потоки и отсекая ненужную информацию; избирательно хранит информацию; планирует поведение, предоставляя огромный потенциал для гибких реакций на изменяющиеся требования жизни (Герриг, Зимбардо, 2004, с. 248–249). Но все эти описания в лучшем случае лишь создают иллюзию понимания. Для того чтобы отсечь ненужную информацию, ее надо принять, переработать, а потом отсечь. Как это уменьшает информационную нагрузку? Предположение о том, что можно *осознанно* решить, какую информацию из всего этого потока не следует осознавать, противоречит логике: как можно осознанно что-нибудь не осознавать? А осознанное планирование на основе ограниченной информации не может быть лучше, чем планирование на основе всей поступившей. И уж совсем непонятно, почему сознание со своим весьма ограниченным информационным ресурсом позволяет более гибко реагировать на ситуацию. Следовательно, отбор информации, ее классификация и хранение, даже планирование, — все вначале происходит на неосознаваемом уровне.

Пробовали и иной путь к решению проблемы сознания, положив в основу медицинский принцип (Ф.-Ж.В. Бруссэ, 1828 г.): разница между нормальным и патологическим состоянием количественная, а не качественная. Знание нормы получается только благодаря изучению

болезней. Сама же болезнь рассматривается как важный эксперимент, проведенный природой. Блестящая плеяда французских психологов (Т. Рибо, П. Жане и др.) перенесла этот принцип на психические отклонения: стоит, анализируя нарушения сознания, пытаться определить, что же такое есть нормальное сознание. Параллельно другими учеными (чаще неявно) разрабатывалась сходная, но иная идея: если определить индивидуальные отличия у разных людей, то можно выделить нечто общее, что остается неизменным, — это и будут общие для всех людей свойства сознания. Обе линии в дальнейшем частично пересекались, но ни одна из них, ни обе вместе к пониманию природы сознания не привели. Ни норму сознания, ни общие свойства сознания выявить не удалось, хотя этот подход во многом определил практические успехи психологии.

Не смогли разгадать тайну и те психологи, которые ориентировались на социальную (в частности, языковую) природу сознания. Дело в том, что, если сознание порождается социальными процессами, то социальное должно существовать до того, как возникло сознание. Это выглядит невероятным. Ф. Джонсон-Лэрд (Johnson-Laird, 1983, р. 450) справедливо замечает: если даже допустить, что язык и общество могло возникнуть без участия сознания, то все равно не понятно, зачем беседующим в бессознательном состоянии людям понадобилось сознание. Вот известная формула Л.С. Выготского: «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая» (Выготский, 1983, с. 145). Интериоризация — это процесс перевода внешнего (социального) во внутренний

план. Но ведь для этого независимо от существования внешнего плана должен уже существовать внутренний план (сознание), иначе внешний план не во что будет переводить. Проблема становится еще ярче, когда обсуждаются конкретные примеры. Выготский рассматривает историю развития указательного жеста как «древней основы всех высших форм поведения» (там же, с. 143). Вначале указательный жест ребенка представляет собой просто неудавшееся хватательное движение, направленное на далеко отстоящий предмет. Его руки, протянутые к предмету, остаются висеть в воздухе. Но тут на помощь ребенку приходит мать. «В ответ на неудавшееся хватательное движение ребенка возникает реакция не со стороны предмета, а со стороны другого человека» (там же, с. 144). Постепенно и сам ребенок начинает относиться к своему движению как указанию, но приходит к осознанию этого последним. Так пишет Выготский. И не замечает проблемы. Когда мать в ответ на протянутую руку ребенка подает ему игрушку, ребенок осознает этот факт? Но тогда он должен уметь осознавать еще *до реакции матери* и даваемое объяснение происхождения сознания ничего не объясняет. Ребенок не осознает этого? Но тогда вопрос: с чего вдруг сам по себе этот факт порождает процесс осознания? Даже попытки объяснения нет. В отечественной психологии на эту проблему почти не обращают внимания. Вот С.Д. Смирнов (1985, с. 146–149), опираясь на подход Выготского–Леонтьева, пытается объяснить возникновение предметности восприятия у ребенка: оказывается, еще не умея выделять и воспринимать предметы, ребенок способен осваивать окружающий мир «руками матери». Но ведь ребенок, не умеющий выделять предметы, не способен воспринимать и руки матери. И нет даже обсуждения того, как преодолеть возникающее противоречие. Наверное, все же не социальное

порождает сознание, а наоборот: именно сознание делает возможным возникновение языка и социальных взаимодействий. Правда, что оно для этого делает, остается неизвестным.

Как быть? Возникают экзотические попытки решения проблемы сознания путем ее устранения. Нет проблемы сознания — и все тут. З. Фрейд (1989, с. 343) прямо заявляет: нечего обсуждать, что такое сознание, ни у кого по этому поводу нет никаких сомнений. Подлинная проблема в другом — в бессознательном. Правда, о бессознательном вообще ничего не известно, кроме того, что оно очень похоже на сознание, но одновременно и не сознание вовсе. При столь невнятном понимании все неизбежно сводится к логическим кругам и противоречиям. Пример: с одной стороны, бессознательное порождает сознание (например, по Юнгу, сознание — поздний потомок бессознательного), а с другой — наоборот: сознание порождает бессознательное (по Фрейду, истинное бессознательное — это вытесненное из сознания). Да и взаимоотношения между сознанием и бессознательным выглядят странными. Так, по представлениям Фрейда и его последователей, мучающие человека внутренние конфликты специально удерживаются в бессознательном, чтобы, мол, избавить от них сознание, но как только они все-таки входят в сознание, то происходит исцеление (избавление от конфликтов). Но в чем же тогда смысл того, что их до этого не пускали в сознание?

Еще более радикальный способ устранить проблему сознания предложили бихевиористы. Поскольку мы не знаем, что такое сознание, и уж совсем ничего не знаем о бессознательном, то давайте просто исключим эти термины из научной психологии и избавимся тем самым от противоречий и необоснованных спекуляций. Однако спрятать голову в песок — не самый эффективный способ решения

проблем. Весьма пресные результаты их исследований — лучшее доказательство сомнительности психологической концепции, лишенной психики и сознания.

На фоне этих не слишком удачных попыток решения проблемы сознания возобновляются представления о сознании как о внеприродной сущности или как об особом принципиально неизвестном физическом процессе. Хотя некоторые физики сами подогревают размышления такого рода, но пока эти взгляды все еще лежат за пределами серьезной науки. Ибо заведомо непостижимое может вдохновлять на поиск, но не должно являться предметом научных изысканий.

Эвристический прием

Все подходы подарили психологии новые идеи, уникальные данные, оригинальные приемы практической работы. Но главное: умозрительный поиск решения психологических проблем в русле философской традиции потерпел окончательный крах. Великие философские системы, вдохновлявшие не одно поколение психологов на исследования, во многом утратили свой эвристический потенциал. Природа психики оказалась устроена тоньше и интересней, чем все рассуждения о ней.

Никто, например, не ожидал, что человек воспринимает и семантически перерабатывает информацию, подаваемую на столь короткое время, что воспринимающий не только не осознает содержание этой информации, но может вовсе не заметить, что какая-то информация поступила (эффект А. Марсела и др.). Из общих соображений вряд ли можно было бы предположить, что эмоциональная реакция на несколько секунд опережает осознание правильного решения сложных вычислительных задач наподобие шахматных (эффект эмоционального предвосхищения в школе О.К. Тихомирова). Также выяснилось, что то, что однажды было не

осознано (не воспринято, не воспроизведено, не вычислено и пр.), имеет тенденцию и далее не осознаваться — повторно не восприниматься, не воспроизводиться, не вычисляться (эффект последствия неосознанного негативного выбора в моих исследованиях и исследованиях моих учеников). Но ведь для того, чтобы нечто повторно не воспринимать, надо помнить, что именно надо не воспринимать, узнать, что предъявлено именно то, что не следует воспринимать, и только после этого не ввести это воспринятое в сознание. Оригинальные феномены можно перечислять до бесконечности: последствие фигуры (по Э. Рубину), установка (по Д.Н. Узнадзе), конформность (по С. Эшу), сглаживание когнитивного диссонанса (по Л. Фестингеру) и т.д. И ни один из этих результатов не мог быть выведен в своей эмпирической конкретности из той или иной философской концепции.

В каждом подходе есть и свои ключевые факты, и своя правда, реально отражающая различные аспекты психической деятельности. Поэтому делалось множество попыток объединить разные школы. Однако любое психическое явление описывается в концепциях, принадлежащих этим школам, несовместимым образом. Как, например, представители разных школ объясняют, почему люди забывают? Бихевиористы говорят: забывание является следствием естественного угасания и разрушения следов в памяти. Психоаналитики заявляют противоположное: следы не разрушаются, в памяти все остается навсегда, а забывание — это следствие вытеснения из сознания. Для представителей культурно-исторической школы все высшие психические функции, в том числе и память, являются следствием социальных процессов. Поэтому возникновение социальных форм хранения информации (например, письменности) обесмысливает тотальное

хранение информации и тем самым, по Л.С. Выготскому, убивает нашу память. А.Н. Леонтьев (2000, с. 277) предлагает такую версию: след не может уничтожаться или угасать, происходит другое — теряется путь к следу. Когнитивисты смещаются в сторону теорий интерференции — реальная, с их точки зрения, ограниченность ресурсов ведет к борьбе различных когнитивных схем друг с другом, а информация, связанная с проигравшими эту борьбу схемами, забывается.

В разрабатываемой мною *психологии* забывание — следствие невозможности удерживать в сознании неизменную информацию (вот еще примеры проявления этого же закона: исчезновение изображения при его стабилизации относительно сетчатки, утрата смысла слова при его многократном повторении и т.п.). Как все это объединить? В итоге призыв к интеграции заканчивается признанием правомерности всех подходов сразу. При этом одни делают вид, что противоречий просто не существует (в одних случаях забывание якобы происходит по схеме бихевиоризма, в других — психоанализа и т.д.). Другие утверждают, что психология задает всем образец науки будущего — подлинно плюралистической науки, где должно существовать множество объяснений, поскольку, мол, ни одно из объяснений не имеет монополии на истину. А поскольку подходы заведомо неверны, то на противоречия можно не обращать никакого внимания.

Но можно понимать интеграцию и иначе. Все-таки задача ученого — открывать истину (каким бы устарелым ни объясняли это понятие). Все научные теории, конечно же, лишь приближение к истине, а не достижение ее. Но хорошие теории отличаются от плохих тем, что они находят нечто верное. И как бы дальше ни развивалась наука, однажды верно найденное сохраняется в ней навсегда — правда, иногда в трудно узнаваемой форме, как об

этом говорит принцип преемственности (Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2008). Если существует много теорий, по-разному описывающих один и тот же процесс, то это говорит лишь о том, что все эти теории (может быть, за исключением одной) неверны. Природа не может противоречить самой себе. Как же можно интегрировать неверные теории? Раз есть что-то неправильное в привычных размышлениях о сознании, то, возможно, все до сих пор созданные психологические концепции содержат общий порок. Поэтому я предлагал (Аллахвердов, 1993, с. 8) найти то общее, что содержится во всех (сейчас я бы смягчил: почти во всех) концепциях, и попробовать от него отказаться.

Вот шаги такой эвристики:

а) найти такую банальность, которая не только психологам, но в большинстве и всем здравомыслящим людям кажется настолько очевидной, что в этом никто (или почти никто) никогда не сомневался;

б) признать эту банальность неверной;

с) придумать противоположное высказывание (гипотезу) и найти логические и эмпирические аргументы, делающие эту гипотезу правдоподобной;

д) поскольку исходная банальность все же опиралась на логику или опыт, найти способ непротиворечиво сформулировать ее в терминах новой гипотезы (в соответствии с принципом преемственности — см.: Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2008);

е) выявить противоречия и логические пробелы, к которым приводит принятие гипотезы;

ф) вернуться к шагу с и выбрать новую гипотезу, в которой снимаются возникающие противоречия;

г) повторять шаги d–f до тех пор, пока не возникнет ощущение, что выбранная гипотеза удовлетворительно описывает реальность;

h) проверить правильность гипотезы в независимом эксперименте.

Пример реализации эвристики

а. Пожалуй, все согласны, что логика и мышление – это рациональные процессы (не случайно именно их пытаются моделировать на компьютере), а эмоциональные процессы вроде бы нелогичны и иррациональны.

б. Вот рассуждение, ставящее данное утверждение под сомнение. Хотя большинство терминов в психологии не отличается высокой строгостью и однозначностью, тем не менее, все описания эмоций связаны со словом «оценка». Оценивание – это сличение чего-либо с чем-нибудь (стимула с эталоном, ожидаемого с реальным и т.п.), но ведь сличение, по сути, – это сопоставление по заданным параметрам, т.е. вычислительный и сугубо рациональный процесс. Таким образом, эмоции можно трактовать как результат строго детерминированного рационального процесса. Теперь рассмотрим структуру любой логической системы (Аллахвердов, 2000). Вначале формируется набор никак не определяемых слов (минимальный словарь, по Б. Расселу), затем произвольно устанавливаются правила связи этих слов для порождения логического высказывания (грамматика), наконец, некоторые грамматически правильно построенные высказывания объявляются истинными без всяких доказательств (аксиоматика). Таким образом, сама логика организована столь произвольно, что трудно ее назвать рациональным процессом. Поэтому прав Р. Декарт: «Нельзя представить себе ничего настолько абсурдного или неправдоподобного, чтобы не быть доказанным тем или иным философом» (Цит. по: Поппер, 2004, с. 515). Тем более нерациональным является мышление, которое, как известно, далеко не всегда логично. Вообще неизвестно, откуда мысли попадают

в сознание («мысли приходят нам в голову, не спрашивая нас об этом», – писал О. Бальзак). Психологи говорят об этом так: мысли управляются неосознаваемыми установками, неосознаваемой детерминирующей тенденцией, неосознаваемой работой защитных механизмов и пр. Особенно заметно это в творческом акте в момент инсайта, когда ученый или художник сами не понимают, откуда в их голове возникла данная идея. Переживание инсайта феноменально вызывает даже у творца чувство отстранения от собственной идеи.

с. Теперь построим гипотезу, строго противоположную исходному утверждению (такую гипотезу сформулировать проще всего): эмоции рациональны и поддаются алгоритмизации в отличие от логики и мышления, которые иррациональны и не алгоритмизуемы. Такое утверждение кажется полной ахинеей, а следовательно, может быть плодотворным (Аллахвердов, 2007). Впрочем, эмоциональная реакция, как выше уже говорилось, предвосхищает осознание правильного решения вычислительной (шахматной) задачи. Можно дать такую интерпретацию: вначале решение находится неосознанно, затем оно проверяется (найденный вариант сличается с требованиями, предъявляемыми к решению), в случае успеха возникает положительный эмоциональный сигнал «решение найдено», который и определяет последующее осознание этого уже найденного решения. Если эта интерпретация хотя бы приблизительно верна, то эмоции есть результат строго вычислительной процедуры.

д. Почему же до сих пор все время считалось наоборот? Дело в том, что феноменально *для самого субъекта* весь этот процесс выглядит иррациональным. Неосознанные решения не могут восприниматься им как рациональные, поскольку он о них ничего не знает. Эмоциональный

сигнал «решение найдено» дан носителю сознания как бы извне, ведь он же еще ничего не знает о том, каково это решение. Поэтому с точки зрения субъекта эмоции иррациональны. Но с точки зрения изучающего этот процесс исследователя эмоции вполне рациональны. Оба взгляда на эмоции имеют право на существование. Теория всегда претендует на проникновение в суть явлений, в ненаблюдаемое, исследовательская позиция неизбежна при построении теории. Реальные переживания важны для самого субъекта, ибо они составляют суть его сознательной жизни.

е₁. Если принять предложенную гипотезу, то остается непонятным: коли решение некоей познавательной задачи найдено, то зачем еще нужен сигнал, оповещающий, что «решение найдено»? На этот вопрос можно отчасти придумать ответ. Любой результат познавательной деятельности требует независимой проверки, *знания необходимо сопоставлять со знаниями, полученными иными способами* (Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2007). Разных независимых структур познания, по-видимому, существует множество. Например, сенсорные представления об окружающем можно сопоставлять с моторными представлениями об этом же самом окружающем. Если эти представления построены на основе разной (в данном примере: сенсорной и моторной) информации и на основе разных способов обработки этой информации, то совпадение представлений характеризует не столько работу самих сенсорных и моторных систем познания, сколько то, что реально окружает человека. Однако результат сличения представлений не может происходить непосредственно в сенсорной или моторной сфере — иначе сам этот результат станет зависимым от них. Тем не менее, они должны получать обратную связь о качестве своей деятельности. Проблема разрешается, если от блока, производящего сличение, в исходные познавательные

структуры поступает лишь качественный сигнал о совпадении / несовпадении представлений. Эту функцию и выполняет эмоциональный сигнал (Аллахвердов, 1993). Правда, даже если принять такую позицию, все равно остается загадкой, почему эмоции субъективно переживаются. Впрочем, ни одна теория не может объяснить всего. Когда Г. Галилей утверждал, что Земля вертится, он еще не мог вразумительно объяснить, почему при этом люди не улетают с вращающейся Земли. Пробелы в любой теории неизбежны, но они непосредственно не отвергают теорию, хотя, как осознаваемая аномалия, побуждают искать дальнейших объяснений.

е₂. А вот более сильное возражение, требующее пересмотреть гипотезу. Да, мысли с точки зрения получающего их субъекта так же иррациональны, как и эмоции. Но *в психологической теории* не только эмоции подлежат рациональному описанию, но и мышление. Психология как раз и призвана открывать законы мышления. Таким образом, что-то не так в наших рассуждениях.

f. Это побуждает создать новую гипотезу, например: и мышление, и эмоции организованы рационально, но в феноменальном субъективном опыте переживаются как иррациональные процессы. Однако эта гипотеза вовсе не подлежит эмпирической проверке, а потому методологически дефектна. Нет никаких критериев, позволяющих определить, является ли конкретное чувство зубной боли столь же рациональным (или иррациональным), как и некая конкретная мысль, скажем, такая (из известного анекдота): «летели по небу семь с половиной крокодилов». Вывод: разделение мышления и эмоций по параметру рациональности вообще не имеет ясного смысла. Поэтому, например, популярное культурологические клише «западная культура рациональна, а русская культура эмоциональна»

тоже не имеет ясного смысла. (Впрочем, тому, что не имеет ясного смысла, можно приписать любой смысл.) Значит, нужна новая идея.

Куда ж нам плыть?

Предшествующее рассуждение позволило построить хоть какую-то логику возникновения эмоционального сигнала. Но зачем нужно осознавать мысль, коли она возникает и развивается неосознанно? Как уже отмечалось, обычно встречаются два ответа: осознание полезно (способствует выживанию, гибким избирательным реакциям, адекватному отражению реальности и пр.); или осознание бесполезно (оно ничего не дает, только сопровождает какие-то процессы). Первый ответ ведет в тупик, потому что все приписываемое сознанию и многое другое делается вначале неосознанно, а потому никак не отвечает на вопрос, зачем результат этой работы понадобилось осознавать. Второй ответ противоречит методологическому принципу простоты, на котором зиждется наука (Аллахвердов, Кармин, Шилков, 2007). Природа не создает ничего напрасно или, как говорил И. Ньютон, «не роскошествует излишествами».

Иногда неявно встречается третье утверждение: осознание вредно. Оно подгоняет реальность под свои представления и, тем самым, ведет к искажениям. Так, К. Роджерс (1994, с. 241) пишет: если бы человек был полностью открыт своему опыту, он бы правильно строил свое поведение. Ведь такой человек *так же, как компьютер*, вбирает в себя все многочисленные данные и быстро вычисляет, как действовать, чтобы в результате был получен наиболее экономичный вектор удовлетворения потребностей в каждой конкретной ситуации. (Таким образом, действующий наилучшим образом «полноценно функционирующий человек», по Роджерсу, — это лишенный сознания

автомат.) Но, продолжает Роджерс, у большинства из нас есть недостатки, которые приводят к ошибкам. И далее, описывая эти недостатки, он, по сути, описывает работу сознания: включается информация, которая *не* относится к данной ситуации, или исключается информация, которая к ней *относится*; не допускаются в обработку определенные пугающие переживания и т.п. Остается неясным, правда, почему при этом осознание способствует исцелению. Да и взгляд на сознание как на помеху тоже противоречит принципу простоты: природа не создает монстров с исключительной целью нечто испортить.

По-видимому, сознание предназначено для чего-то другого, и это предназначение — в соответствии с предложенным эвристическим приемом — не должно оцениваться по шкале *полезно—вредно* для организма. Вначале я полагал, что сознание нужно для организации проверочной деятельности. Именно сознание решает, правильно ли решена задача, правильно ли сформулирована гипотеза, адекватны ли построенные образы и т.п. Это мне показалось интересным, потому что в какой-то мере противоречит общепринятому взгляду. С этой новой точки зрения, формирование всех психических образований — от ощущений, намерений, мыслей до речевых высказываний, личности и духовных ценностей — происходит неосознанно, автоматически. Сознание же нужно для того, чтобы выбрать из этих неосознанных образований наилучшие. И не генерация идей, не умение увидеть новое характеризует творческие достижения, а умение проверять неосознанно возникшие идеи. И, кстати, уже эмоции — провозвестники осознанности — предназначены именно для независимой проверки.

Это объяснение позволило единообразно объяснить многие законы работы сознания (Аллахвердов, 2000). До сих пор

считаю, что это было идеей верной, но недостаточной. Проверка ведь тоже, как правило, осуществляется неосознанно. Эксперименты (в том числе мои собственные) показывают это весьма убедительно. Так, люди при решении сенсорных, перцептивных и вычислительных задач в дефиците времени по-разному реагируют (временем реакции, повторением ответов и пр.) на свои правильные и ошибочные ответы, даже если не способны осознанно оценить, правильно или ошибочно они решили задачу. (Данные об этом уже приводились в моей работе 1993 г., но по-настоящему я осознал этот результат только после исследований О.В. Науменко (Аллахвердов и коллеги., 2006)). Сознательный контроль, к тому же, медленен и, как отмечалось выше, часто ведет к ошибкам. По нашим данным, например, введение иррелевантных для решения задачи изменений в предъявляемых стимулах снижает сознательный контроль над выполнением основной задачи и тем самым, что вообще-то странно, ведет к улучшению эффективности решения различных когнитивных задач. Смушало в выдвинутой гипотезе и то, что данное утверждение не столь уж и противоположно общепринятым представлениям, — ведь проверять знания все-таки может быть полезно для организма.

Осознание — это процесс приписывания качества осознанности тому, что уже наличествует в неосознаваемой сфере. Экспериментальные факты это ясно показывают. Но зачем надо осознавать то, что и так получено? Непосредственной пользы от этого не видно. Предчувствуя эту проблему, бихевиористы отказывают термину «сознание» в научном статусе. Когнитивисты движутся в том же направлении, убеждаясь в экспериментальных исследованиях в мощности «когнитивного бессознательного» и постепенно теряя понимание того, что же именно тогда делает сознание. Так,

Д. Чалмерс спрашивает: почему некоторые информационные процессы не идут в темноте, зачем они освещаются «лучом сознания»? И уверяет, что на этот вопрос никто пока не дал убедительного ответа (Chalmers, 1996).

Попробуем подойти к решению проблемы с иной стороны. Допустим, что осознание — самоцель. Постараюсь описать, как бы такая цель могла появиться, отдавая себе отчет в некоей метафизичности и смутности развиваемых идей. Человек как познающая система получает эмоциональные сигналы, говорящие об успешности (или неуспешности) его познавательной деятельности. Эти сигналы выступают для всей системы в качестве критериев эффективности процесса познания. А любая система с заданными критериями эффективности настраивается на их достижение. В социальных системах постоянно встречается подмена реальной цели целью искусственной, определяемой как раз этими критериями. Так, когда в 1920-е годы в нашей стране пожарным решили платить за время пребывания на пожаре (мол, не оплачивать же им игру в домино на каланче!), то они стали медленнее тушить, а если пожаров не было, то и поджигать. Если это так и для нашего случая, то цель деятельности познающей системы может измениться. Она может стремиться уже не напрямую к поиску истины, а к получению субъективно переживаемых положительных эмоциональных сигналов и избеганию отрицательных.

Сознание тогда можно трактовать как специальный механизм, осуществляющий воздействие на когнитивные процессы, чтобы достигать этой поставленной цели. Сознание, иными словами, вмешивается в познавательную деятельность, стремясь к получению положительных субъективных переживаний. Однако искусственная подмена подлинного познавательного процесса его имитацией редко приводит

к сильным переживаниям. Слабый (хотя и весьма дифференцированный) эмоциональный фон, которого сознанию удастся при этом достичь, можно назвать осознанностью. Задача сознания — обеспечить непрерывное существование этого фона («поток сознания»). Сама деятельность сознания при этом не может быть осознана, а осознается лишь результат — возникающие эмоции. В столь гедонистической теории сознание по воздействию похоже на слабый наркотик. Но наркотик обычно искусственно возбуждает физиологические центры, обеспечивающие возникновение эмоций, что в силу неконтролируемости воздействия и неестественности вызванных эмоций может приводить к разрушению организма. Сознание же порождает эмоции присущим им путем и относительно безопасно для организма, хотя, будучи способно искажать реальность, может побуждать человека к неоправданно рискованному поступкам, а иногда даже вызывать сумасшествие.

Что же делает сознание? По предположению, эмоции — результат сличения когний, полученных в независимых познавательных структурах. Но сличение — очень сложный процесс. Как решить, одинаковы ли полученные когнии или нет, в частности, соответствует ли зрительный образ слуховому, моторный — сенсорному и т.п.? Сознание обладает возможностью вмешиваться именно в процесс сличения, отождествляя нетождественное и различая неразличимое. Оно всячески защищает построенные в разных структурах когнии от опровержения. Сознание ведет себя как ученый, строящий догадки о мире и проверяющий их в опыте. Ученый пытается угадать законы, которым подчиняется окружающий мир, а затем подтвердить свои догадки в экспериментах. Вот и сознание так же упрощает действительный мир и далеко не точно его отражает. Оно рассматривает этот мир как детерминированный

и всему — даже случайным явлениям — приписывает причины, хотя может лишь догадываться о реальных причинах, господствующих в мире. Сознание регулирует деятельность, но, прежде всего, как деятельность по проверке и подтверждению гипотез. Ученый строит теории для идеализированных, т.е. реально не существующих, объектов. Сознание строит идеализированные конструкты — понятия, которых тоже нет в реальной жизни.

Конечно, мир, построенный сознанием, не в полной мере адекватен реальности, но он и не оторван от нее, иначе не удавалось бы достигать длительных положительных эмоциональных состояний. Ученые именно благодаря своему сознанию догадываются о недоступных наблюдению свойствах макро- и микромира. Ведь именно благодаря сознанию мы способны рассуждать о никак не представленных в непосредственном физиологическом отражении процессах зарождения Вселенной, умеем отличать добро от зла и даже можем искать законы, управляющие бессознательным.

Даже социальное взаимодействие конструируется сознанием исключительно для подтверждения собственных гипотез. Иначе как можно найти способ независимо проверять построенные сенсомоторные связи? С чем их сопоставлять? Возможный ответ: с сенсомоторными связями, построенными другими людьми. Однако никто не имеет непосредственного доступа во внутренний мир другого человека. Остается только строить догадки о сенсомоторных связях других людей и их проверять. Впрочем, даже сама возможность организации проверочных действий здесь проблематична. Конечно, если ответ партнера строго предопределен физическими законами (его толкнули — он упал), биологическими потребностями (дали еду, он ест) или врожденными физиологическими реакциями (обернулся на шум),

то поведение партнера можно рассматривать как ответное. Но это позволяет скорее проверять гипотезы о физических, биологических и физиологических законах, чем гипотезы о содержании внутреннего мира другого человека. Нужна ситуация, когда ничем не вынужденные действия первого субъекта не должны были бы вызывать у партнера никакой непосредственной реакции, но, тем не менее, побуждали бы его к ответным действиям. Сразу возникает проблема: если действия субъекта не требуют никакой реакции партнера, то они ни к чему и не будут его побуждать. Дело, однако, в том, что оба партнера могут совершать свои проверочные действия одновременно. Вполне вероятно, что при этом *каждый* из партнеров будет склонен приписать причину неожиданных действий другого своим действиям, поскольку никакого иного естественного смысла у действий партнера заведомо нет. Но если оба *ошибочно предположат*, что именно его действие является причиной столь странного поведения партнера, то далее (ибо именно так работает любое сознание) оба будут стараться подтверждать свое предположение. И тут оказывается, что допущенная ими обоими концептуальная ошибка превращается в истину. Когда один в присутствии другого повторит свое проверочное действие, то второй в ответ подтвердит, что помнит о сложившейся связи. Подтверждением гипотезы становится повторение совместных действий. Тем самым действия партнеров становятся взаимозависимыми. Более того, они вообще не имеют никакого иного содержания, кроме взаимозависимости. Позднее постепенное усложнение совместных подтверждающих действий начинает порождать другие социальные явления (сперва ритуалы, социальные нормы и лишь затем речевое взаимодействие, совместный труд и пр.) и, в конечном счете, человеческую историю.

Достоинство предложенного взгляда в том, что можно привести много свидетельств, его подтверждающих, он позволяет упорядочить и единообразно описать факты, которые зачастую выглядят совершенно разрозненными. Взгляд на сознание как на механизм, имитирующий познавательную деятельность, оказывается достаточно эвристичен. На этом пути можно объяснить не только возникновение социальных процессов, но и формирование личности, проявления свободы воли и мн. др. При решении простейших когнитивных задач нами в экспериментах обнаруживаются, по-видимому, те же механизмы, которые обеспечивают работу защитных механизмов личности, явление инсайта в творческих процессах, неосознаваемое сглаживание когнитивного диссонанса и т.п. Но есть и серьезная проблема — используемые термины позволяют настолько вольную трактовку, что вряд ли удастся придумать хоть одно экспериментальное следствие, которое могло бы данный взгляд опровергнуть. Значит, это пока лишь повод по-новому посмотреть на вечные проблемы, а не научная теория.

Люди, подходя к краю земной жизни, иногда начинают писать мемуары, дабы описать только им одним известный сокровенный смысл пройденного пути. Подводя итог 40 лет изысканий в области психологии сознания, я тоже рискнул описать не столько результат, сколько путь — чтобы предостеречь от движения по ведущим в тупик дорогам.

Литература

Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., 1993.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Аллахвердов В.М. Научное исследование как тривиализация обоснованной ахинеи //

Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М., 2007. С. 174–194.

Аллавердов В.М. и коллеги. Когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб., 2006.

Аллавердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип простоты // Методология и история психологии. 2007. Вып. 2. С. 147–162.

Аллавердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип преемственности, или как возможны научные открытия // Методология и история психологии. 2008. Вып. 3. С. 187–201.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 1983.

Герриг Р., Зимбардо Ф. Психология и жизнь. СПб., 2004.

Зинченко В.П. Предисловие к русскому изданию // Хант Г. О природе сознания. М., 2004. С. 11–15.

Иванников В.А. Введение в психологию. М., 2006.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2000.

Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996.

Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М., 2008.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005.

Поппер К. Доказательства и опровержения. М., 2004.

Рао К. Сознание // Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, Т. Ауэрбаха. СПб., 2006.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.

Серль Дж. Рациональность в действии. М., 2004.

Смирнов С.Д. Психология образа. М., 1985.

Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. М.; Томск, 1997.

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.

Chalmers D.J. The conscious mind. In search of a fundamental theory. N.Y., 1996.

Johnson-Laird Ph.N. Mental Models. Toward a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, 1983.